

## Суходол. Избушка в лесу

В детстве мы с младшими братом и сестрой любили ходить с бабушкой в лес. Я до сих пор помню запах сухой хвои, мха, душистых трав и сладкий аромат спелых ягод. Мы всегда собирались поутру, когда в воздухе была разлита прохлада и жара ещё не опустилась на землю. Больше всего я любил погожие дни после дождя, когда небо было безупречно ясным, а воздух – словно умытый от пыли и постиранный – был чистым, свежим и наполнял лёгкие живительным кислородом. Мне всегда казалось, что природа в эти дни словно расцветала и радовалась жизни.

– Мы пойдём завтра в лес? – бывало, спрашивал я с нетерпением и надеждой у бабушки. Бабушка никогда не отвечала сразу. Она хитро улыбалась и тонким голосом лисички говорила что-нибудь неопределённое: «может быть», «посмотрим», «на горизонте как будто облака, дождь передают». Просто бабушка очень любила внимание. Мы с сестрой и братом, чувствуя бабушкину слабость, начинали активно упрашивать её, при этом приводя кучу доводов в пользу нашей прогулки: «лесной воздух полезен», «давно наступил сезон сбора ягод», «синоптики всегда ошибаются с прогнозами», «на небе нет перистых облаков, а значит, никакого изменения погоды не предвидится». Последний аргумент принадлежал моей сестре Анне, которая была мастером по части народных примет. Тогда бабушка сдавалась и, смеясь, с лукавою улыбкой, «уступала» нам. Она никогда не могла отказать своим внучатам, и мы часто этим пользовались. Но прежде бабушку всегда нужно было уговаривать.

В это необыкновенное утро мы в сопровождении Матильды – нашей маленькой собачки, стража и неперемногого спутника прогулок (мы дали ей кличку кошки из мультика «Малыш и Карлсон», потому что она была такая же кубаряшка<sup>1</sup>) – отправились в Суходол – мой любимый лес. Я до сих пор не знаю, почему его так называли. Мне как-то объясняли историю названия, но я её не запомнил. Лес этот был почти сплошь хвойным – сосновым с небольшой частью елей – и непролазным. Густая чаща кустарников опутывала могучие деревья, кроны которых затеняли солнце. Однако его лучи проникали сквозь листья рослых великанов, и тогда в густом и тёмном лесу возникали полосы золотистого света. Он падал на некоторые кусты, одаряя их жизнетворной энергией солнца. Помню, мне всегда было жалко тех растений – оставшихся в тени. «Словно обделённые», – думал я.

– Бабушк, а им не темно? – спрашивал я.

– Нет, внучек, они на своём месте. Им тень необходима, солнышко спалит их. Всё в природе находится в равновесии, – отвечала она.

Я дивился, как бабушка много всего знает: и про бересклет, из которого раньше делали рубашки, что поразило меня, ибо я с трудом представлял себе, как из колкого, колючего кустарника можно сделать одежду; и про борщовник<sup>2</sup>, который ели (а я думал он ядовит); и про коварство красивейших цветов мая, – ландышей – от аромата которых можно уснуть навсегда, если поставить букет на ночь рядом с изголовьем (чего я больше всего боялся и на всякий случай держал букет подальше от себя); и много других вещей.

Местность в Суходоле была холмистой, порой с крутыми обрывами. Мы петляли где-то проторёнными тропами, а где-то, как казалось мне, наугад. Но неизменно проходили по большой крутой песчаной дороге (может, она была сосредоточием леса?). Взбираясь по её резкому склону, я чувствовал, как ноги мои наливаются усталостью. Матильда бежала рядом, весело виляя хвостом. Аня и Вадим – мой братик – пыхтели, прибавляя шаг, чтобы быстрее пройти дорогу. Бабушка всегда шла спокойно и как будто не уставала. «Старый человек, а сильнее всех нас,

молодых», – думалось мне. Сколько испытала бабушка на своём пути, я помнил по её рассказам. Я бы и треть того не вынес, потому она была для меня героем.

– Не отстаём, – эти слова бабушка говорила нам частенько, так как в лесу легко заблудится. Мы пробирались через колючие кусты, прорезали обувью узлившуюся под ногами траву, перешагивали через поваленные деревья, неся ведёрки из-под майонеза. Я, как старший, взял с собой котомку с едой, а также свёрток из старого пледа, чтобы мы могли, выйдя на поляну, расположиться и перекусить не на голой земле, а на этом импровизированном тканевом столе без ножек. Бабушка несла свой вечный белый бидон и цветастую авоську.

Суходол был старым лесом, оттого в нём так буйствовали кустарники, росли мхи, было много поваленных деревьев, а иные сосны достигали исполинских размеров (отчего я вспоминал про секвойи в Америке, о которых читал в энциклопедии). Просек в Суходоле было предостаточно. Нам необходимо было выйти на определённую, потом повернуть ещё на одну и, пройдя через неё, углубиться в лес. Именно там, в самой тёмной, густой чаще росла черника – ягода редкая, но полезная для глаз и к тому же вкусная. Почва в этом месте была особенная, не такая, как везде в лесу, – земля вперемешку с песком и глиной, так называемая дерново-подзолистая, – а чернозёмная, влажная. Влага в почве, как объясняла бабушка, определялась близостью ягодника к реке Кададе. Но не каждый год урождалась черника в этом месте. Если лето выдавалось засушливым, то тёмно-синих бусин на низких кусточках не найти.

Черника обычно разбросана на кусте, а бывает, что по одной только ягоде – не очень удобно. Приходится постоянно наклоняться или передвигаться на четвереньках, быстро переходя с место на место на значительные расстояния (так как кусты ещё и растут разреженными кучками). Это не богатые плодами земляника и клубника<sup>3</sup> – нарвался на ягодник и дно заполнилось, а то и четверть ведёрка. Здесь процесс шёл медленнее. Бабушка переживала, окликая нас, просила держаться поблизости и постоянно следить за своими, «не зевать». Я, собирая ягоды, нет-нет, зыркал по сторонам. Вот бабушка, вот Аня с Вадимкой рядом, Матильда обнюхивает что-то у корней. Всё хорошо.

– Сашка, – раздался эхом бабушкин голос.

– Да, здесь я, тут, – отвечал я.

– Где? Я тебя не вижу.

– Я за деревом, – и показывался из своего «укрытия».

Бабушка успокаивалась, снова наклоняясь к низкорослым кустам. Но будучи человеком увлечённым и, как говорила моя мама, «рассеянным с улицы Бассейной», я вошёл в азарт и не заметил, как ушёл от своих, спускаясь вниз по склону за ягодами. То, что предстало передо мной, и озадачило, и испугало меня: избушка посреди леса. «Неужели здесь раньше кто-то жил?» – подумал я. «Или кто-то, может быть, живёт?» – последовала следующая мысль, ибо избушка не выглядела ветхой и заброшенной: наличники сохранили краску, стёкла были целыми, крыша не покосилась. Но более всего меня поразила приделанная к фасаду голова – череп какого-то зверя.

Всё же, несмотря на страх, избушка притягивала меня. Мне так и захотелось подойти поближе, заглянуть внутрь – посмотреть, что там. Замка, к моему счастью, не было, и я свободно открыл дверь. Раздался лёгкий скрип старого дерева. Я переступил через невысокий порог. На меня пахнуло затхлостью, а глаза заслонила темнота. От неожиданности я сощурился. Немного привыкнув к полумраку, я стал различать обстановку вокруг. Комната была тесная, бревенчатая, некрашенная. У маленького низенького оконца стоял небольшой кривой стол, вдоль стен располагались лавки из ссохшихся серых досок. В тёмном углу я увидел груду камней, рядом с

которой лежали в беспорядке ржавые инструменты. Наклонившись, я рассмотрел топор, несколько кос и бруски железа. находка взволновала меня. Проводя рукой на металлу и стирая с него красно-оранжевую пыль, я живо представил себе, что здесь, возможно, когда-то жил мужичок-боровичок, тот самый, из давней детской сказки. Вот он низенький, пухленький, с длинной седой бородой, суетится по важным лесным делам, встаёт спозаранку, обходит свои владения и устраняет беспорядок. «Нет, он бы не смирился с таким дискомфортом», – подумал я, бросив взгляд на грязный пол, неотёсанные доски и развалившееся каменное строение. «Так кто же здесь мог жить?» – снова стал гадать я. «Надо Ане и Вадиму сказать. Они обалдеют, увидев избушку в лесу».

Выбравшись наружу, я встал в нерешительности. Вокруг — никого: ни бабушки, ни брата с сестрой не видно. Я оглянулся. Тишина. словно я один. Лишь Матильда смотрела на меня в ожидании умными глазами. Отчего-то вспомнились слова отца о том, что у некоторых собак глаза умнее, чем у иных людей. «И почему в критические минуты в голову лезут всякие неподходящие, к делу не имеющие никакого отношения, глупые мысли», – подумал я с раздражением.

– Бабушка! – прокричал я, и сам испугался своего голоса.

Опять тишина. Нет ответа. Я снова огляделся по сторонам. На миг мне показалось, будто что-то скрипнуло. Пугающе молчаливая чернота зияла из приоткрытой двери. «Я же закрывал дверь, когда уходил». Сердце моё застучало сильнее. Неужели кто-то следит за мной, и он уже здесь? «Надо улепётывать отсюда», – решил я. Но куда идти? Кажется, я спускался? Значит, нужно подниматься? Но в какую сторону идти? Я посмотрел на деревья. Люди, которые заблудились, запоминают дерево, куст, пень, мимо которых проходили ранее, и, ориентируясь таким образом, они стараются выйти на своё первоначальное местоположение. Однако для меня это оказалось бесполезным. Я потерялся в пространстве. Не запомнил никаких необычных кустов, особенных деревьев и прочих отличительных признаков приведшего меня к избушке маршрута. «Паршивая невнимательность! Надо с ней бороться!» – каждый раз думал я, когда попадал в ситуацию из-за своей рассеянности.

– Аня! Вадик! – снова подал я голос.

Матильда тихо проскулила, как мне показалось, жалобно посмотрев на меня.

«Уууу», – донеслось откуда-то. Мне стало страшно. Сердце заколотилось неистово; я чувствовал его в горле. Сразу вспомнились рассказы о русалках, которые чуть не зазвали моего деда в озеро за много километров от села; леших, пугающих любителей пособирать ягоды и грибы; почему-то всплыли в памяти образы тощего серого бабайки<sup>4</sup>, который по моему представлению жил под крыльцом; дрёмы<sup>5</sup>, который появлялся большой тенью с громадной сумкой за спиной на занавесках и стенах. Панические мысли токали в мозгу, и я рванулся с места подальше от подозрительного дома, карабкаясь вверх по склону. Ремни рюкзака давили на плечи, и тяжело было дышать. Мне казалось, будто я не двигаюсь с места, ползу, как черепаха. Сейчас сзади как подбежит и схватит меня! «Быстрее, быстрее!» – как мантру мусолил я эту фразу в голове.

Поднявшись на вершину склона, я упал на колени.

– Сашка, – передо мной возникла бабушка.

– Бабушк, – обрадовался я. – Вы здесь!

– Ты чего озорничаешь? Мы тебя зовём —ты не откликаешься,— пыталась строго выговаривать мне бабушка, что у неё не очень получалось.

– Я немного потерялся, спустился вниз, и вас потерял. Тоже кричал, но вас не слышал. А вы слышали, как я вас звал?

– Едрит твою, Сашка! Да разве из оврага чего услышишь! Там звуки приглушаются. Это же низина. Ты же землёй обложен, – ругалась бабушка.

– Грамотный вроде, книжки любишь, а простых вещей не понимаешь.

– Бабушк, не злись. Я случайно. Я странный дом увидел со звериной головой. Нам лучше уйти отсюда. Вдруг там кто-то есть, и он нас схватит, – с волнением говорил я.

Аня с Вадиком удивлённо уставились на меня. Бабушка засмеялась.

– Ой, Саша, Саша. Выдумщик. Это старый дом. Там когда-то лесник жил. Сейчас избушка пуста. Нет там никого.

После этих бабушкиных слов мне стало стыдно. Самый старший, – а испугался, надумал себе бог знает что. А бабушка смеялась своим лёгким смехом (в эти минуты она казалась мне особенно красивой и доброй) и продолжала говорить:

– Фантазёр у вас брат, внучата мои. То землю возьмётся копать в поисках клада. Соседи смеются: куда твои внуки с лопатами пошли? На пустырях ямы выкапывают. То в бани заброшенные зимой залезет и вас собой возьмёт.

– Это наша дислокация была, – пытался оправдаться я.

Бабушка прыснула ещё пуще.

– Откуда ты эти только слова берёшь? Из новостей, что ли. От кого дислонируешься<sup>6</sup> в банях-то? Весь только в саже перепачкаешься.

Я ничего не ответил. Бесплезно было что-то объяснять бабушке про наши детские игры: что интересно иметь свою базу, куда можно всего своего принести. Это же как собственный домик да еще с диковинной утварью в придачу! А слова всякие необычные я вправду любил.

– Позабавил ты меня, Саша.

– Бабуль, пойдём к избушке. Саша там был – и тоже хочу, – вмешался Вадим.

– О, батюшки, нам чернику надо собрать, не пустыми же возвращаться. Сейчас я бидон наберу, вы – ведёрки, пойдём к берегу Кадады, там выйдем на поляну и устроим себе трапезу. А после, на обратном пути, зайдём в избушку.

Аня с Вадимом сразу обрадовались. Видимо, уже проголодались. Еда на природе всегда вкуснее.

– Бабушк, так значит, мы мимо тех самых вербных кустов пройдем, у разлива реки? – с воодушевлением спросил я.

– Да, Саша. Мимо тех самых, – добродушно сказала бабушка.

Я был счастлив. Это было моё самое любимое место в Суходоле...

Возвращаясь обратно, избушки мы так и не обнаружили. Вадик поначалу расстроился, но Аня отвлекла его новым занятием: оставлять на песчаной дороге, как она их называла, письма – слова-послания<sup>7</sup> на будущее. Если они сохранятся до следующего нашего похода, то желания непременно сбудутся. «Попадётся ещё этот домик в следующий раз», – беспечно проговорила Аня.

Избушка та, сколько потом мы с бабушкой в лес ни ходили, нам больше не встречалась. Возможно, и не было её вовсе?

### **Примечания:**

<sup>1</sup>кубаряшка – плотная, упитанная, небольшая;

<sup>2</sup>борщовник – дикорастущее зонтичное растение, нейтральное по вкусу, которое раньше употребляли в пищу;

<sup>3</sup>клубнига – название луговой клубники (или земляники зелёной), свойственное жителям описываемой местности;

<sup>4</sup>бабайка – в славянском фольклоре ночной дух, воображаемое существо, которым родители пугают непослушных детей;

<sup>5</sup>дрёма – вечерний или ночной дух, который может вызвать кошмары;

<sup>6</sup>дислонируешься – авторское слово, означающее дислоцироваться;

<sup>7</sup>слова-послания – желания, выраженные одним словом, которые должны осуществиться в будущем.